

Чжао Цзиньюй, чьи одежды были густо забрызганы кровью, мелко дрожал. В ноздри бил едкий запах крови. Стиснув зубы, он заставил себя перестать дрожать и вложил меч в ножны.

— Чу Чанси... — напоследок позвал он. В его голосе больше не слышалось ни страха, ни боли. Он казался человеком, которого только что вытащили из ледяной проруби — от него веяло лишь холодом.

Е Фэн, стоявший позади, видел это и хотел что-то сказать, но горло пересохло, и он не смог выдать ни звука.

Когда он помогал императору войти, он уже успел закрыть дверь, отсекая доносившийся снаружи плач и мольбы. В комнате царила тишина, лишь дневной свет, пробивавшийся сквозь окно, падал на бледное, безмятежное лицо юноши в белом. Казалось, он просто уснул, если бы не страшные пятна крови на его белоснежных одеждах.

Прошло много времени, прежде чем Е Фэн увидел, как император, всё это время стоявший на коленях у постели, медленно поднялся. Он пошатнулся, но всё же сумел сесть на край кушетки. Солнечный луч осветил половину его лица. Он опустил веки, и его лицо не выражало ничего — словно из него вынули саму жизнь, превратив в холодное, давно остывшее тело.

Плач снаружи постепенно стих, в комнате стало ещё тише. Вдали Вэй Ци, обнимавший свой меч, застыл, словно изваяние. Несколько лекарей, уткнувшись лбами в пол, дрожали и не смели пошевелиться.

Е Фэн смотрел на неподвижного императора и подумал, что тот может так и просидеть у постели до самого заката, до глубокой ночи... до окончания времён, погрузившись в вечное безмолвие.

Но неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем у постели снова началось движение. Он увидел, как император поднял руку и осторожно убрал прядь волос с лица Чу Чанси. Лишь с трудом подавив дрожь в пальцах, он наконец поднял тело юноши на руки.

За дверью сияло солнце, день был ясным. Чжао Цзиньюй, неся на руках Чу Чанси, шаг за шагом направился к выходу. Лучи солнца коснулись лица Чу Чанси, в котором уже не было дыхания, а тело в его руках было ледяным.

— Чанси, я забираю тебя домой.

Кортеж ждал неподалёку. Чжао Цзиньюй, казалось, полностью успокоился. Он слегка повернул голову к следовавшему за ним Е Фэну:

— Оставайся здесь, продолжай руководить лекарями в борьбе с эпидемией. Вернёшься в столицу лишь тогда, когда она будет полностью искоренена.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Затем он обратился к Вэй Ци:

— Береги меч господина.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Двери распахнулись, и Чжао Цзинъюй вышел наружу. Все, кто стоял на коленях, увидев, что человек на его руках не дышит, снова разразились рыданиями. Люди, словно осознав происходящее, начали расступаться, образуя коридор. Плач не утихал.

Чжао Цзинъюй ступал медленно, но каждое его движение было твёрдым. Он казался по-настоящему спокойным, и среди всеобщего горя его сердце оставалось непоколебимым. Он просто шёл — медленно, очень медленно...

Десять лет спустя.

Снова зима, время снегопадов. Во дворце Чжияу голые ветви деревьев тянулись к небу, а танцующие снежинки укрывали их пушистым белым цветом.

Все эти десять лет император Чжао и наследный принц жили здесь, но прислуги во дворце почти не было. Сейчас лишь юноша стоял под карнизом, глядя на снег; холодный ветер трепал его рукава.

На юноше было чёрное одеяние с вышитым золотым драконом, во взгляде читалось превосходство над всем сущим. Завтра ему предстояло взойти на престол, и казалось, за одну ночь он обрёл истинную стать правителя.

Ему было всего тринадцать.

Юноша с досадой вздохнул. Дверь позади открылась, и вышел человек в одиноких зелёных одеждах. Его волосы были совершенно седыми, и хотя он был в самом расцвете сил, выглядел глубоким стариком.

— Отец-император.

— Хм. Завтра церемония восшествия на престол. Ты готов? — Чжао Цзинъюй держал в одной руке меч, в другой — зонт, словно собирался уходить.

Сердце Чжао Чэнсюаня дрогнуло, в душе возникло недоброе предчувствие.

— Отец-император... — он намеренно сделал вид, что испугался, — я боюсь, что не справлюсь с такой ответственностью. Я ещё слишком мал, а старые министры при дворе и так ворчат, что я слишком юн для управления государством. Боюсь, став императором, я не смогу заслужить их доверие.

— Решай сам. Ты наследный принц, рано или поздно тебе всё равно придётся стать императором. Какая разница, раньше или позже? — Чжао Цзинъюй говорил так, будто его это больше не касалось. Он опустил взгляд и погладил свой длинный меч, а его седые волосы отражали белизну падающего снега. — Больше читай книги, которые писал твой отец, учись у него.

— Хотя он и... но среди чиновников его репутация всегда была лучше, чем у меня. Если кто-то будет чинить тебе препятствия, назови его имя — попробуй.

Значит, отец действительно больше не собирается о нём заботиться?

— Тогда отец-император... куда вы направляетесь?

Чжао Цзинъюй раскрыл зонт и слегка обернулся. Перед ним падал густой снег, небо и земля слились в бесконечной белизне. В его глазах, спустя десять лет, вновь промелькнула нежная улыбка, ясная и чистая, как вода:

— Иду искать твоего отца.

Чжао Чэнсюань промолчал.

В этот миг ему ужасно хотелось спросить: вернёшься ли ты? Но он знал ответ. Поэтому он не проронил ни слова, лишь опустился на колени и глубоко поклонился. Он молча смотрел, как отец уходит в снег — одинокая фигура с мечом, нетвёрдой походкой удаляющаяся в белую мглу, точно так же, как десять лет назад ушёл его отец.

Чжао Чэнсюань знал: за эти десять лет отец слишком устал, слишком много выстрадал. Тогда каждый мог, не оглядываясь, последовать за его отцом: Ли-ван, которого отец держал под домашним арестом, утонул, Чэнь-ван погиб в битве на северных рубежах, даже стражи, охранявшие его отца, могли остаться сторожить его могилу.

Только отец не мог. Он был правителем государства Чжао, на нём лежал долг императора. Он должен был слушаться отца и стать хорошим правителем.

Теперь же, когда отец, должно быть, посчитал, что его миссия выполнена, он больше не мог ждать.

Чжао Цзинъюй выбрал для этого дня ту же дату, когда десять лет назад Чу Чанси ушёл

бороться с эпидемией, словно они никогда и не расставались, и даже падающий снег был точно таким же, как тогда.

Е Фэн, увидев, что император покинул дворец и направился прямо к мавзолею, предпринял последнюю попытку:

— Ваше Величество, наследный принц ещё так мал...

Чжао Цзиньюй был с ног до головы усыпан снегом, его седые волосы слились с ним воедино, превратив его в снежную фигуру. Его тихий, с ноткой улыбки голос развеялся на ветру:

— Я больше не могу ждать. Ни единого мгновения.

Он уже передал трон принцу.

На нём больше не лежало никаких обязанностей.

Е Фэн замолчал.

Он остановился у входа в мавзолей и молча смотрел, как император входит внутрь. Когда тело Чу Чанси было предано земле, остался этот тайный ход, из которого нельзя было выйти. Е Фэн давно догадывался, что этот день настанет, но не ожидал, что так скоро.

Крышка гроба была сдвинута. Тот, кто при жизни был подобен сиянию звёзд и луны, теперь превратился в груды костей. Но Чжао Цзиньюй, глядя на них, всё ещё мог вспомнить, как Чу Чанси читал книги при свете свечи, как закатывал рукава, чтобы взяться за кисть, как танцевал с мечом под цветами, и как из-за его выходок Чу Чанси, вынужденный уступать, краснел ушами и сбивался с дыхания, пытаясь сохранить холодное выражение лица...

— Чанси, эти десять лет были такими долгими. Дни казались бесконечными, а ночи — такими короткими. Я всегда просыпался, когда уже светало, а казалось, что только закрыл глаза.

Чжао Цзиньюй поставил свечу, прислонился к гробу, вынул меч из ножен и принялся протирать лезвие полый своего халата.

— Что мне оставалось делать после рассвета? Только, как ты и просил, быть хорошим правителем, каким я и должен был быть. Поэтому я не любил дни...

Чжао Цзиньюй протёр лезвие до блеска и, при свете догорающей свечи, шагнул в гроб. На его лице появилась детская улыбка:

— Чанси, сегодня я не хочу тебя слушаться.

Наконец-то больше не нужно тебя слушаться.

<http://bllate.org/book/19901/1959237>